

Н.В. Сороколетова

Волгоград

СЕМАНТИЧЕСКОЕ МАКРОПОЛЕ

«ВРЕМЯ КАК МЕРА ЗЕМНОГО БЫТИЯ»

(К истокам русских возрастных обозначений)

Цель настоящей работы – выявление русских возрастных наименований, имеющих важное значение для исследователя с точки зрения не только темпоральных номинаций, но и духовного мира древнейшей поры и истории того или иного социума. В связи с этим особый интерес представляет изучение тех первоначальных значений, которые легли в основу возрастной номинации, в конечном итоге восходящей к общеиндоевропейской эпохе. С другой стороны, важно отметить и то, какой конкретный вклад внесла русская (славянская) языковая традиция в восстановление исходной ситуации, основные черты которой вплоть до настоящего времени сохраняются в современном языке.

Единицы, составляющие макрополе «время как мера земного бытия» или макрополе возрастных обозначений (МВО), объединяются в данное лексико-семантическое поле (ЛСП) по характеру дифференцирующих их признаков, которые выявляют моноаспектность интегрирующей их семы.

Исходя из удобства описания МВО, считаем целесообразным привести те компоненты, которые входят в его состав. Входящие в состав данного макрополя компоненты разделяются на две группы: 1) обозначение человеческих поколений и связанных с ними характеристик [дитя, ребенок, младенец; юноша (молодой); муж (взрослый); старик (зрелый, ветхий, древний)]; 2) временная протяженность [век, вечность, возраст, (пора); рождение, жизнь, смерть; детство, молодость, старость)].

Возрастной признак, лежащий в основе доминирующей семы, предполагает дробное членение поколений, наименование которых выявляет органическую связь с природными изменениями в организме человека.

Характерной особенностью возрастных номинаций в славянской (позднее и русской) языковой традиции является тот факт, что члены биологической (половозрастной классификации) начинают формировать новую классификационную систему социальной терминологии.

Возрастные характеристики обнаруживают связь с природными циклами – разными фазами в развитии жизненной (плодородной) силы, которые составляют в сумме жизненный цикл человека. Номенклатура этих фаз ориентирована прежде всего на описание эволюции мужской жизненной силы и является, следовательно, андроцентричной по преимуществу.

Возрастная градация в русском и других славянских языках сохраняет актуальные связи с ее мифопоэтическими истоками, в основе которых была аграрная магия – главный стержень языческого культа, где особенно наглядно проявляется ориентация на малый (годовой) и большой (жизненный) циклы.

Сам жизненный цикл, вся протяженность жизни от рождения до смерти обозначалась у славян словом *vekъ (ср.: рус. век. ст. – слав. векъ – «вечность и время жизни»,

представленные во всех группах славянских языков). Этимология прасл. *věkъ прозрачна и легко объясняется следующими параллелями: индоевроп. *ueik-, *uik- - «проявлять силу», лит. *viekas* - «сила, жизнь», др.-исл. *veig* - «сила», лат. *vinco* - «побеждаю» и др. Вместе с тем, слав. *věkъ обозначает не только замкнутый временной круг, но также замкнутый круг в пространстве (ср. макед. *век* - «мир, свет», подобные значения есть и в старославянском), т.е. отмеренный и организованный в соответствии с неким общим законом пространственно-временной континуум, в котором разворачивается жизнь человека. Ср. рус. *умер до века* (т.е. жить сверх положенного срока). Но *век* не только пространственно-временная рамка жизни, но и сама жизнь, воплощенная в поколениях.

Этот континуум человеческой жизни членится чередой поколений на возрасты. Само слово «*возраст*» этимологически объединяется с такими, как «*взрослый*», «*рождение*», продолжающими индоевроп. *ordh- - «расти». Ср. данные других индоевропейских языков: др. инд. *vrđhati* - «растет, умножается, набирает силу», *raza* (**radia*) - «обильный урожай, многочисленная семья», алб. *rit* - «расту» и др. Слово «*возраст*» обозначает не только конкретное прибавление (прирост) жизни (рост человека, размеры животного) и абстрактное обозначение любого возраста, но и специальный возраст, пору наибольшей жизненной силы, возмужалости (ср.: рус. *в возрасте быть, до возраста лет, до зрелого возраста и др.*).

То же можно сказать и об архаичном праславянском обозначении *roga, продолжающем древний индоевропейский термин *rog- со значением «пора, благое время, сила»; рус. *пора* - «урочное время», ст.-сл. *пора* - «сила». Этот корень выступает и для обозначения божественных персонажей, связанных с плодородием, например, Поревит у балтийских славян. Согласно мнению Р.О. Якобсона (Р.О. Якобсон. 1970. С. 615), в этом имени «обозначалась одна из форм или фаз мужской силы, одно из времен года и, соответственно, одна из ипостасей многоликого божества».

В русском языке известны следующие употребления слова *пора*: *человек в поре, в полной поре, в самой поре*, т.е. в зрелом возрасте. Даль приводит и такие значения: *пора-то* - «сильно, много, весьма»; *поратый* - «возмужалый, взрослый, зрелый» и др.

Для славянской языковой традиции, продолжателем которой является русская, характерны четыре возрастные группы: 1) *orb- (*orbe), 2) *jun- (*junoxъ, *junosa, *junak, *junьсь); 3) *mozъ; 4) *star- (*starьсь, *starikъ).

Несомненно, что в отдельных славянских языковых традициях появились и свои слова (ср. *парень* - в русском, *отрокъ* - в старославянском, *парубок* - в украинском), но они в целом не меняли первоначального деления на поколения, которое было характерно для праславянского и в широком плане - для индоевропейского языков.

Слова, обозначающие первую возрастную градацию, в своих истоках восходят к одному значению: ср. индоевроп. *orbh- - «маленький, слабый» (прасл. *orbe, др.-рус. *робе* - «дитя», рус. *ребенок* и др.); индоевроп. *mold-, *molde, *moldenьсь - «младенец», рус. *младенец* <ст. сл.). Индоевропейские *mold- и *orbh- содержат мотив неполной или не вполне надежной оформленности, включенности в череду жизненных поколений (ср. лат. *mollis* <**moldvis* - «мягкий, нежный»; др.-ирл. *meldach* в том же значении; арм. *melk* <**mel-du-i* - «мягкий, нежный» и др.). Новорожденный, как и ребенок в самом раннем возрасте, во всех отношениях зависит от матери, поэтому он не является членом особого возрастного класса, имеющего социальную значимость (ср. индоевроп. *dhe- - «кормить грудью», откуда прасл. *dete - «дитя», рус. *дитя*, ст.-сл. *ѡ ти* от формы ед. ч. *ѡ ть*, континуаты которого представлены во всех славянских языках).

Иное дело, когда индоевропейское *mold- употребляется для обозначения возрастной группы: ср. рус. *молодой*, чеш. *mladenec* – «юноша», «холостой мужчина», польск. *mlodizan* – «юноша» и др., подобные обозначения имеют вторичную социальную коннотацию. Помимо этого, в русском языке засвидетельствованы слова и с экспрессивно-оценочной коннотацией: ср. *молодец*, *добрый молодец*, а также поздние случаи описательного типа, подчеркивающие социальное положение: др.-рус. *молodший* – «низший по званию».

Дальнейшее развитие значений терминов возрастной градации и самой обозначаемой ими социальной категории зависело от типа той иерархической социальной структуры, в которую включались термины. К примеру, в славянских языках представлено обозначение *домашнего работника* от индоевропейского *orbh-: ст.-сл. *рабъ*, рус. *раб*, чеш. *rob* – «раб». *Раб* у славян был работником в пределах домового хозяйства, пользовался относительной свободой, хотя и был лишен ряда социальных и ритуальных привилегий. Статус раба в славянском, а также в кельто-германском, мире существенно отличался от такого в античной цивилизации.

В отличие от приведенных выше обозначений *ребенка*, *дитяти*, *младенца*, стоящих на нижней грани полноправного коллектива и включаемых в последний в определенных ситуациях и скорее в плане будущего, следующее поколение *jun- и производные от уже упомянутого корня *mold-, обозначают молодого человека, юношу в полноте природных сил и при этом ритуально наделённого социальными функциями. Славянские языки обнаруживают весь спектр значений – от силы и плодородия (ср. славянские обозначения *бычка*: в чеш. – *junes*, польск. – *junies*, сербх. – *јунац* и др.) до ритуализированных обозначений перешедшего в новый возрастной и свадебный класс (ср. рус. *юнец*, *юница* – «новобрачные», болг. *юнак* – «молодожен», «новобрачный») и до обозначения совокупности входящих в данный класс, а также возраста вообще (*jun-osa, *juno-stь).

Индоевропейский корень *iouano- в его первоначальном значении относился к корням подобного же смысла и был связан с ритуализированными обрядами типа инициации. Он обозначал периодически возрождающуюся жизненную силу, ритуальное ее проявление в определенном возрасте у всех живых существ и человека в частности. В этом смысле *жених* и *невеста* являются персонификацией вечной молодости (ср. др.-инд. *ayu* – «жизненная сила», авест. *yu-* «вечность», лат. *aevum* – «век» и др., продолжающие индоевроп. *iouano-).

Вступление в брак является ритуализированным переходом от состояния *юноши* к состоянию *мужа* как в чисто биологическом, так и в социальном плане. Русское слово *муж* (мужчина) в своих истоках через прасл. *moзь восходит к индоевроп. *manu- – «человек», «предок человека» и отождествляется в различных языковых традициях как с предводителем племени (ср. др.-инд. *Manu*, герм. *Mannus*, фриг. *Manes*), так и с первочеловеком, прародителем (прасоциумом, пракосмосом).

По отношению к столь глубокой древности правдоподобно чисто ритуальное мифологическое истолкование первоначального значения.

Русское слово «*старик*», обозначающее четвертую возрастную градацию, а также слова «*старый*», «*старость*», обычно сравниваются с лит. *storas* – «толстый, объемистый», др.-исл. *storr* – «большой, сильный, мужественный». Убедительной этимологии для слов «*старик*», «*старый*» нет. (Фасмер М.Т. III. С. 747). А.А. Потебня (Потебня А.А., 1914. С. 25) возводит вышеуказанное гнездо слов к индоевропейской основе *sta- – «стоять». По мнению ученого, оно ассоциируется у славян с метафорическим образом крепкого, сильного дерева. Это новообразование, охватывающее все славянские языки, с прису-

щей только им возрастной характеристикой параллельно индоевропейскому *senos – «старый, старик», не оставившему в славянских языках следов.

В поддержку этого мнения можно привести и слово «древний», которое является континуатом индоевроп. *deru- – «дерево»: ср. прасл. *dervo, рус. *дерево* и *здоровый*, которые обнаруживают аналогичный метафорический переход: *дерево* – *древний*.

К слову «старый» семантически примыкают слова той же возрастной градации «зрелый» и «ветхий». Русское *зрелый* восходит через прасл. глагол *zreti – «зреть и стареть» к индоевроп. *gʰer- – «зреть, становиться старым». От этого же корня засвидетельствован такой континуат, как зерно – «то, что созрело». Любопытны примеры и в других языках: др.-инд. j̥arant- – «старый, дряхлый», авест. zarta- – «немошный от старости», греч. γέρων – «старец», γερύεργοι – «созревшие плоды» (Фасмер М.Т. II. С. 106). В славянских языках следует отметить и значения с вторичной социальной коннотацией: ср. рус. *староста*, чеш. starosta – «предводитель, начальник», польск. staresta – «общинный староста» (Фасмер М.Т. III. С. 747).

Слово «ветхий» восходит через прасл. *vetь, *vetьхъ к индоевропейскому *uetos- – «прошедшее лето и зима» и отражает древнюю систему отсчета времени по временам года, т.к. в эпоху индоевропейской языковой общности не было четкого разграничения года как определенного астрономического отрезка времени и дня как части года (ср. индоевроп. *iēro- – «лето и год», прасл. *jara – «весна» и авест. aya- – «день» и др., а также рус. *ветох* – «последняя четверть лунного цикла». (Сараджева, Л.А. 1986. С. 79).

Точно выделять времена года и его части отдельные индоевропейские народы научились лишь позднее под влиянием более развитых культур, главным образом, вавилонской астрономии, распространявшей свое влияние повсюду. В частности, это было точное деление года на 4 части, месяца – на 30 дней, всего года – на 360 дней; разделение суток на два времени и создание недели из семи дней (Schrader O. 1901. V. 389).

С двумя состояниями в природе – процветанием и умиранием – естественно связаны противопоставления жизни как особой силы, в частности, пробуждающейся весной природы и смерти – извечное противопоставление юного, молодого старому, увядающему. Древность варианта противопоставления жизнь-смерть (жизненный цикл в широком смысле этого слова) позволяет восстановить противопоставление для эпохи индоевропейской глоттофорной общности: индоевроп. корни *gʰe- – «жить» и *mer- – «умирать» представлены во многих индоевропейских языках: ср. рус. *жить* от прасл. *ziti – «жить» (слово распространено во всех славянских языках), родственно др.-пруск. giwa – «живет», др.-инд. jīvati – «живет», лат. vivo, греч. – βίωμαι – «живу», лит. gyti – «жить» и др.

В славянском языческом пантеоне представлено персонифицированное обозначение богини жизни – Zyva (Фасмер М.Т. II. С. 52).

Индоевропейское *mer- – «умирать» представлено в славянском – прасл. *mьreti – «умирать», *umrěti – «смерть», *sьmьrь (то же), имеет континуаты во всех славянских языках: ср. рус. *мереть*, *мру*, ст.-сл. мрьти, мьро и др. Параллели в других языках: лит. mirti – «умирать», др.-инд. marati, авест. miryēti, лат. morior, арм. meranim – «умираю» при mard – «человек, смертный» (Фасмер М.Т. II. С. 602). Противопоставление жизнь-смерть типологически параллельно противопоставлению юности (молодости) – старости, сопоставимо с природными циклами, что находит отражение в ритуальных обрядах. Роль обрядов типа *родин*, *инициации*, *свадьбы* и *похорон* сопоставима со значимостью ритуалов перехода от одного сезона к другому: ср. русский ритуал *похорон зимы*, представления весны и других сезонов в виде членов одного из возрастных классов (молодого и старого).

Описанная выше русская система возрастных обозначений характеризуется большой архаичностью и непосредственно сопоставима не только с праславянской и общеславянской, но и с индоевропейскими системами, продолжает сохраняться вплоть до настоящего времени. В ней практически нет заимствованных слов. Сохранению архаического характера системы способствовали, в первую очередь, обстоятельства истории расселения славян, оказавшихся изолированными от древних культурных очагов Средиземноморья. Их ближайшими соседями были германцы и балты.

Характеристика системы возрастных обозначений позволяет констатировать ее полифункциональность, в частности, вторичные социальные коннотации. При этом постоянно прослеживается параллельность разных кодов – космического и природного с личным и социальным. Особенно существенное значение имеют данные, относящиеся к эволюции во времени, которые дают возможность вскрыть максимальные потенции каждого элемента и тем самым подчеркнуть динамический аспект эволюции, связанный с избытком информации.

Выделяемые в русской, затем в праславянской и индоевропейской языковых традициях возрастные обозначения параллельны в том, что касается их последовательности, и сопоставимы с природными циклами, составляющими некое замкнутое целое, как жизнь человека. Подобная соотнесенность имеет параллели и в развитии знаковых систем культуры – первобытного искусства, ритуальных обрядов. Этот удивительный архаизм русской (славянской) языковой традиции перекликается с другими архаизмами, особенно в системе терминов родства. Таким образом, человеческое мышление и переживание времени являются двумя взаимодополняющими и сосуществующими чертами высшей формы отражения времени – его осознания, в процессе которого осуществляется синтез многообразных форм отражения времени, присущих плюралистическому миру.